

Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego

**Nauka w Polsce i Rosji
– miejsca wspólne, miejsca różne
(obszar humanistyki)**

Redakcja naukowa

Magdalena Dąbrowska i Piotr Głuszkowski

Warszawa 2016

Seria „Studia Rossica”, tom XXIII

Redaktor naczelny: Magdalena Dąbrowska

Sekretarz redakcji: Piotr Głuszkowski

Kolegium Redakcyjne: Irina Adelgeim (Moskwa), Lubow Kisielowa (Tartu), Andrzej de Lazari (Łódź), Aleksandr Lipatow (Moskwa), L'ubor Matejko (Bratysława), Irina J. Prochorowa (Moskwa), Wiktor Skrunda (Warszawa), Natalia Żyliakowa (Tomsk)

Recenzenci tomu: Volodymyr Dubichynskyi, Jerzy Grzybowski, Andrzej Moskwin, Monika Zielińska

Redakcja tekstów w języku angielskim: Olga Jakubiak

Tłumaczenie wstępu na język rosyjski: Gizela Grabińska

Tłumaczenie wstępu na język angielski: Olga Jakubiak

Projekt okładki: Zakład Graficzny

© Copyright by Instytut Rusycystyki UW
Warszawa 2016

Wydano na zlecenie Instytutu Rusycystyki
Uniwersytetu Warszawskiego
ul. Szturmowa 4
02-678 Warszawa
ir@uw.edu.pl

ISBN 978-83-61116-32-5

Druk i oprawa: Zakład Graficzny UW. Zam. 852/16

SPIS TREŚCI

Magdalena Dąbrowska, Piotr Głuszkowski UWAGI WSTĘPNE	9
Магдалена Домбровска, Петр Глушковски ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ (tłum. Gizela Grabińska)	11
Magdalena Dąbrowska, Piotr Głuszkowski INTRODUCTORY REMARKS (tłum. Olga Jakubiak)	13
Z DZIEJÓW UNIwersYTETU WARSZAWSKIEGO (ROCZNICOWO)	
Joanna Schiller-Walicka CESARSKI UNIwersYTET WARSZAWSKI – HISTORIOGRAFICZNE OBSZARY ZNANE I NIEZNANE	15
Grzegorz P. Bąbiak UNIwersYTET, KTÓREGO NIE BYŁO... (SZKOŁA GŁÓWNA WARSZAW- SKA NA MARGINESIE JUBILEUSZU)	25
Hanna Bazhenova ИМПЕРАТОРСКИЙ ВАРШАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В СУДЬБАХ ЕГО ИСТОРИКОВ (1869-1915)	41
Сергей Михальченко, Елена Ткаченко Е.В. СПЕКТОРСКИЙ – СТУДЕНТ И ПРОФЕССОР ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	53
HISTORIA OŚWIATY	
Татьяна Жуковская, Елена Калинина СТУДЕНТЫ-ПОЛЯКИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1830-1860-е ГГ. ОПЫТ ВОСПИТАНИЯ НОВОЙ ЭЛИТЫ	65
Михаил Грибовский ОТРАЖЕНИЕ „ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА” В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.	75
Maria Przewciszewska ELEMENTARZE JAKO NARZĘDZIA ROSYJSKIEGO IMPERIAL-BUILDING W KRÓLESTWIE POLSKIM (1865-1914)	85
KONTEKST MIĘDZYKARODOWY W BADANIACH (NIE TYLKO) HISTORYCZNYCH	
Aleksandr Lipatow EUROPEIZM: PUNKT WYJŚCIA W POSZUKIWANIU POROZUMIENIA POLAKÓW I ROSJAN	95

Piotr Gluszkowski ZWIĄZKI POLSKIEJ I ROSYJSKIEJ HUMANISTYKI W LATACH DWUDZIE- STYCH XIX WIEKU	105
Ирина Нам ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКИХ ДИАСПОРНЫХ ИНСТИТУТОВ В СИБИРИ (XIX – НАЧАЛО XX в.)	115
Ольга Саприкина АКАДЕМИК В.И. ЛАМАНСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ЧЕХИИ И ПОЛЬШИ	125
Юрий Ивонин, Борис Носов ПРОЕКТ „РОССИЯ, ПОЛЬША, ГЕРМАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ XVI-XX ВЕКОВ” И ЕГО МЕСТО В ОТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИТОРИКОВ	137
HISTORIA KSIĄŻKI – HISTORIA LITERATURY	
Magdalena Dąbrowska O „MIEJSCACH WSPÓLNYCH” W DZIEJACH ROSYJSKIEJ I POLSKIEJ BIBLIOGRAFII POCZĄTKU XIX WIEKU	147
Zbigniew Olczak KSIĄŻKA ROSYJSKA W DZIEWIĘTNASTOWIECZNYCH ZBIORACH BI- BLIOTEKI UNIWERSYTECKIEJ W WARSZAWIE: GENEZA KOLEKCJI .	157
Александр Ивинский ЕКАТЕРИНА II В <i>ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ</i> К. ВАЛИШЕВ- СКОГО	169
Irena Betko ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕТИПИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	179
Danuta Ulicka <i>HISTORIA ARCANA</i> : ROSYJSKIE KORZENIE FORMALIZMU W MIĘDZY- WOJENNYM LITERATUROZNAWSTWIE POLSKIM	187
Bożena Żejmo GARSZYN, KTÓREGO NIE MA W POLSKIEJ GARSZYNOLOGII	199
JĘZYKOZNAWSTWO – LUDZIE I KIERUNKI BADAŃ	
Вера Картавенко АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ (К ВОПРОСУ О РУССКО-ПОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ ПЕРИОДА XVII – XVIII вв.)	209
Dorota Pazio-Wlazłowska STAN BADAŃ NAD ŻYCIEM I DZIAŁALNOŚCIĄ WIKTORA PORZEZIŃ- SKIEGO (1870-1929). UWAGI WSTĘPNE	221

Ирина Нам

Томск, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКИХ ДИАСПОРНЫХ ИНСТИТУТОВ В СИБИРИ (XIX – НАЧАЛО XX В.)¹

Historical Features of the formation and activities of Polish diaspora institutions in Siberia (between 19th and early 20th centuries)

Key words: Siberia, diaspora, Catholics, Poles, institutionalization of ethnicity

Abstract: The formation of the Polish diaspora in Siberia (“Polonia”) was due to exile and agricultural voluntary migrations. Many railway engineers and skilled workers appeared in the region with the construction of the Trans-Siberian Railway. The institutionalisation of the Polish diaspora was developing on a confessional basis until the end of the 19th century. These were particularly confessional, not ethnic communities, uniting Poles, Belarusians and Germans. The Church created the infrastructure to serve the needs of the community – religious, charity, cultural and educational organizations. With the dissolution of the class system, along with confessional organizations, secular ethno-cultural organizations began to be created, the Polish language acquired independent significance, a national school appeared. The processes of diaspora formation among Catholics acquire ethnic overtones.

Родина поляков живет и действует везде,
где бьются верные сердца ее сыновей.

Адам Мицкевич

Изучение истории поляков в Сибири невозможно без обращения к таким ключевым понятиям как миграции (добровольные, вынужденные и принудительные), адаптация и диаспора. Теоретическая модель диаспоры может быть использована для изучения и описания адаптации поляков в условиях инокультурного окружения в Сибири в XIX – начале XX в. Диаспора всегда

¹ Статья написана при поддержке гранта Правительства РФ П-220 (договор № 14. В25.31.0009) и Научного фонда им. Д.И. Менделеева.

институционализована, ее обязательным признаком является наличие организационных форм (институтов), направленных на сохранение идентичности – конфессиональной, этнической, языковой. В системе диаспорных институтов ведущая роль принадлежала церкви, которая создавала инфраструктуру для обслуживания нужд общины – религиозные, благотворительные, культурные, образовательные организации. Религия была „носителем и маркером групповой идентичности, языка, культуры, общей истории..., механизмом связи с исторической родиной”².

Первоначально процессы институционализации диаспоры развивались преимущественно на конфессиональной основе. В крупных городах и административных центрах Сибири, селениях с компактным проживанием этнических мигрантов возникали приходы и открывались храмы практически всех традиционных для России конфессий – костёлы, кирхи, синагоги, мечети. Прощения об их открытии, как правило, не встречали противодействия властей, поскольку духовные лица были „облечены доверием государства и вовлечены в сферу воспитания законопослушных граждан империи”³. Эти процессы развивались в условиях общества, где конфессиональные институты были одним из формирующих его оснований. Поэтому самоорганизация мигрантов в форме религиозных общин признавалась властью необходимой и законной⁴. Это были именно конфессиональные, а не этнические общины. Лютеранские общины объединяли немцев, латышей, эстонцев, католические – поляков, белорусов, немцев. Религиозные общины являлись не только центрами духовной жизни, это был и социальный институт, выполнявший интегрирующую функцию в диаспоре – „институт взаимопомощи, школа самоуправления, культурный очаг”⁵.

До конца XIX в. жизнедеятельность переселенческих сообществ в Сибири концентрировалась преимущественно вокруг конфессиональных институтов. Но с разложением сословного строя к началу XX в. в его недрах „вызревают” элементы новой социальной структуры. Частью этого процесса становится формирование этнической идентичности. Наряду с конфессиональными создаются светские организации, самостоятельное значение приобретает

² В.И. Дятлов, *Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока в позднеимперской России*, „Известия Иркутского государственного университета, серия «История»” 2012, № 2 (3), ч. 1, с. 263.

³ Л.В. Кальмина, *Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX – начало XX в.)*, в: *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*, Новосибирск 2008, с. 89

⁴ В.И. Дятлов, *op. cit.*, с. 264-265.

⁵ З.И. Левин, *Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ)*, Москва 2001, с. 39

язык, возникает национальная школа, формируется представление об общности исторической судьбы. Процессы диаспорализации в сибирском переселенческом обществе приобретают этническую окраску. Происходит институционализация этничности – „вызревание этнических диаспор... как культурного феномена”⁶.

На первый план выходит светская, современно образованная элита – учителя и преподаватели, журналисты, профессура, лица свободных профессий, предприниматели и чиновники. Новая элита, в отличие от традиционной, самоопределяется „не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры”⁷. Именно светская элита становится носительницей национальных чувств и национальной (этнической) идентичности. Набиравшие силу процессы конструирования наций и рост национальных движений в России стали еще одним фактором, оказавшим влияние на процессы этнизации диаспоральных институтов. Большая роль в этих процессах принадлежала политическим ссыльным, которые привнесли в жизнь сибирских общин „политику”. Вслед за Европейской Россией в Сибири возникают светские культурно-просветительские организации, задачей которых было „национальное просвещение”.

* * *

Свои особенности имело формирование в Сибири *польской диаспоры* („полоний”), складывавшейся с конца XVIII в. преимущественно за счет политической ссылки. Особенно больших размеров ссылка поляков достигла после восстания 1863-1864 гг. в Польше, Литве и Белоруссии. Общее число высланных за участие в этом восстании достигло 36459 чел., в том числе в Сибирь – 18606 чел.⁸ По другим данным, всего было сослано 23056, из них 10779 были размещены в Западной Сибири (4861 – в Тобольской губернии и 5918 – в Томской)⁹. В Западную Сибирь поляков в основном направляли на водворение и жительство, в Восточную – на каторгу и поселение¹⁰.

В 1883 г. повстанцам 1863 г. было разрешено вернуться на родину, но многие остались в Сибири. В Баженовской волости Тобольской губернии оставшиеся поляки выселились в отдельную деревню и назвали ее по имени бывшего тобольского губернатора Деспот-Зеновича, много сделавшего для облегчения положения ссыльных поляков. В Бутаковской волости тогда же был основан выселок Поляки, в Седельниковской волости ссыльные поляки

⁶ В.И. Дятлов, *op. cit.*, с. 266.

⁷ *Ibidem.*

⁸ Н.П. Митина, *Во глубине сибирских руд*, Москва 1966, с. 10-11.

⁹ *Сибирь в составе Российской империи*, Москва 2007, с. 295.

¹⁰ С.Г. Пяткова, *Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период*, Омск 2004, с. 22.

вместе с переселенцами из западных губерний России заселили деревни Вознесенку и Богдановку¹¹. Но все же попытки сибирских властей посадить ссыльных поляков на землю успеха не имели.

Сложились в Сибири и компактные польские поселения, основанные добровольными переселенцами в начале XX в. Так, в Акмолинской области выходцами из Витебской губернии была основана деревня Андреевка, из Люблинской губернии – Александровка, из Гродненской – Малиновка. В Енисейской губернии выходцы из губерний Царства Польского образовали 9 селений, в Иркутской губернии – 10. В Томской губернии крестьянами из Седлецкой губернии были основаны села Сухоречье и Кузовлево, из Волынской – Новопокровское, из Гродненской губернии – Белосток, 13 польских селений входили в Спасский приход, 3 – в Каинский, 14 – в Боро[ко]вский¹². Рядом с селом Белосток возникли польские деревни Андреевка и поселок Ломницкий в Семилужской волости, Петропавловка и Полозово – в Молчановской¹³.

В конце XIX в. происходит качественное изменение сибирской колонии за счет роста добровольной миграции. В Сибирь ехали чиновники, коммерсанты, военные. Со строительством Транссибирской магистрали в регионе оказалось много инженеров-путейцев и квалифицированных рабочих¹⁴. Кризисная ситуация, сложившаяся в 1905–1907 гг. в Домбровском угольном бассейне, вызвала стремление к переселению в Сибирь части населения этого региона, которое направлялось в Иркутскую губернию – „Новую Польшу”, как называли ее шахтеры. Польских переселенцев привлекало то, что в районе Черемхово имелись значительные залежи угля, а одним из владельцев шахт был поляк инженер Игнатий Собежанский, который нанимал на работу главным образом поляков¹⁵. „Врачи, железнодорожники, инженеры, лесничие [...] каждый на своем поле деятельности явил примеры своей добросовестности и трудолюбия, которые, к сожалению, им не дано было применить в родном краю”¹⁶.

¹¹ А.Д. Колесников, *О национальном составе населения Омской области. (Исторический процесс формирования населения Среднего Прииртышья в этническом и национальном отношениях)*, в: *Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока*, Омск 1966, с. 99.

¹² В. Мясрж, *Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – XX веке*, в: *Сибирь в истории и культуре польского народа*, Москва 2001, с. 252-253.

¹³ В.А. Ханевич, *Белостокская трагедия (из истории геноцида поляков в Сибири)*, Томск 1993, с. 130.

¹⁴ Н.И. Наумова, *Поляки-железнодорожники в освоении Транссибирской магистрали (первая четверть XX в.)*, в: *Человек – текст – эпоха*, Томск 2008.

¹⁵ В. Мясрж, *op. cit.*, с. 248-251.

¹⁶ Б. Пилсудский, *Поляки в Сибири*, в: *Сибирь в истории и культуре польского народа*, Москва 2002, с. 28.

Наиболее крупные колонии поляков складываются в городах, где создаются очаги польской культуры, вокруг которых концентрировались как ссыльные, так и добровольные переселенцы. В XIX в. это были большие семейные дома, ставшие, как отмечали современники, „настоящей пристанью для земляков”. Таким „пристанищем для изгнанников и очагом «польскости»” был дом Томаша и Терезы Булгак в Томске. „Братская жизнь сплочённого товарищества изгнанников, – писала в одном из писем Тереза Булгак – окрашивает для нас очаровательным светом даже землю изгнания. Мысли и чувства, радость и горе были у нас общими. Небольшие недоразумения, недовольства, любовные выходки появлялись как мимолётные тучи, которые всегда разгоняло возвышающееся над ними солнце братской любви”¹⁷. В течение многих лет „связующим звеном в культурной жизни поляков” Томска был дом доктора Ф. Оржешко¹⁸ – отмечал в своих воспоминаниях А. Мачеша.

Встречи в „польских домах”, празднование именин, национальных и религиозных праздников, совместное проживание и ведение хозяйства – эти примеры позволили польским исследователям предположить, что сосланные в Сибирь в XIX в. поляки проявили склонность к групповой стратегии адаптации – диаспорализации. Другим проявлением стремления к самоорганизации и консолидации стали общества вспомоществования, существовавшие во многих сибирских городах, наиболее известные и организованные – забайкальский и иркутский „ogóły”. Их целью было улучшение условий существования ссыльных в психологическом, социальном и материальном планах. Важной функцией было сохранение конфессиональной и этнической идентичности („польскости”). Уставы организаций, регламентирующие поведение ссыльных, были направлены на исключение возможности влиться в общество сибиряков, „пустить корни” на чужбине. Одним из пунктов было требование – не иметь связей с распутными женщинами и не вступать в брак с православными¹⁹. Как вспоминал Ю. Ручинский, сосланный на каторгу в Нерчинский завод, на одном из собраний землячества „Ogół wygnańców” было решено не вступать ни в какие контакты с местными дамами, поскольку такое общение „в крае диком и заполненном бродягами было небезопасно и даже угрожающе”²⁰.

¹⁷ А. Мачеша, *История польской колонии в Томске. 1604-1900 гг.* (Перевод А. Гузеевой), в: *Поляки в Сибири. Поляки о Сибири*, Томск 2012, с. 213.

¹⁸ *Ibidem*, с. 216.

¹⁹ С.А. Мулина, *Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири*, Санкт-Петербург 2012, с. 135.

²⁰ Р.В. Оплаканская, *Землячества поляков в Сибири как фактор сохранения национальной идентичности в условиях иной инуюльтурной среды (первая половина XIX в.)*, в: *Сибирский пламенный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века*, Новосибирск 2004, с. 129.

Начиная с 1830-х гг. католические приходы возникли практически во всех крупных сибирских городах. Объединяя поляков, они внесли „решающий вклад” в сохранение их этнической идентичности – „польскости”²¹. Везде, где возникала польская община, по возможности строился костёл, который стал центром духовной и общественной жизни не только поляков, но и литовцев, белорусов, латышей и немцев римско-католического исповедания, появившихся в Сибири в ходе аграрной миграции. Одним из первых был построен стараниями патера (курата) Бернардинского ордена ксендза Ремигия Апанасевича в 1832 г. костёл в Томске, названный в честь Пресвятой Девы Марии Розарии. В 1896 г. он был значительно расширен ксендзом Валерианом Громадским, настоятелем томского костёла с 1883 по 1899 г.²² Его стараниями при костёле была основана общественная польская библиотека, куда прихожане приходили по воскресениям, чтобы почитать настоятеля, сменить книги и поговорить с земляками. Многие поляки обязаны этой читальне сохранением „польскости”. Костёл стал не только „религиозно-национальным” центром, но и „культурно-общественным”²³.

В Красноярске католический приход был учрежден в 1837 г. Но лишь в 1857 г. благодаря добровольным пожертвованиям прихожан и стараниям курата прихода монаха Бернардинского ордена Викентия Бельского был построен деревянный храм. В 1911 г. на добровольные пожертвования было построено новое здание костёла²⁴. В Омске костёл был построен в начале 1860-х гг.²⁵ Первый и единственный католический приход на Дальнем Востоке возник в 1860-е гг. в Николаевске-на-Амуре, затем перемещен во Владивосток. Разрешение на строительство костёла было получено только в 1898 г., после возведения и освящения православного Успенского собора из-за опасений распространения „иноверной пропаганды среди православного населения”. Построенный в 1900 г. деревянный костёл через 2 года сгорел. Сразу же был создан комитет по строительству каменного храма, которое завершилось в 1921 г.²⁶

²¹ А. Мачеша, *op. cit.*, с. 211.

²² А.В. Адрианов, *Костел в Томске*, „Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского”, Томск 2002, т. I, с. 303; В. Ханевич, *Сибирские ксендзы*, „Сибирская старина”, Томск 1995, № 9, с. 32–35.

²³ А. Мачеша, *op. cit.*, с. 217.

²⁴ С.М. Емельянов, *Из истории Красноярского костела (1857 – начало 1990-х гг.)* в: *Сибирско-польская история: актуальные вопросы*, Иркутск 2001, с. 188–190; А.П. Доброновская, *Красноярский католический храм: на перекрестке эпох*, в: *История и культура поляков Сибири*, Красноярск 2006, с. 17–20.

²⁵ Н.И. Лебедева, *Костёл и католическая община в Омске: исторический очерк*, в: *Сибирско-польская история: актуальные вопросы*, Иркутск 2001.

²⁶ *Этномиграционные процессы в Приморье*, Владивосток 2002, с. 51.

С началом крестьянской колонизации костёлы возводятся и в сельской местности. В 1908 г. были построены костёл и дом приходского священника в селе Белосток Томской губернии, в 1913 г. закончена постройка костёла в соседней польской деревне Маличевка²⁷. По просьбе жителей католический митрополит направил в Белосток отца Иеронима Церпенто, который исполнял обязанности сельского пастыря до 1913 г. Позднее настоятелем храма стал отец Михаил Михосенок, служивший до 1923 г. Священнослужители учили молодежь не только Закону Божьему, но и польскому языку, основам культуры²⁸. В Енисейской губернии строятся костёлы в деревнях Канок и Креславка. Религиозная принадлежность являлась в сельском обществе едва ли не главной составляющей самоидентификации: „У них даже еще национального самосознания нет, а только религиозное”, – характеризовал польских и белорусских переселенцев с. Маличевка советский чиновник в начале 1920-х гг.²⁹

При костёлах создавались благотворительные общества, которые также не являлись вполне польскими, так как объединяли всех католиков. Одним из первых в 1893 г. возникло римско-католическое благотворительное общество в Томске³⁰. За три года существования (1895–1898) число его членов выросло в 25 раз: 6 почетных и 156 действительных членов³¹. „В этом обществе, – писал В. Маньковский, проживший в Сибири больше 20 лет, – состояли поляки всей Томской губернии”. „Каждый, кто сохранял национальную солидарность и чувствовал себя поляком”, считал себя обязанным быть членом этого общества. „Благодаря этому обстоятельству, а также постоянной связи провинции с Томском, поляки всей Томской губернии считались единым целым”³². На попечении общества находились приют для детей-сирот, открытый в 1900 г., и школа, в которой в 1908 г. обучались 32 мальчика и 31 девочка. Обществом велась как благотворительная, так и культурно-просветительная работа. Устраиваемые обществом вечера, концерты, спектакли проводились на польском языке, с использованием национальных костюмов³³. Стало традицией устраивать ежегодно

²⁷ В.А. Ханевич, *Судьба села – судьба России*, в: *Сибирский Белосток*, Томск 1998, с. 23.

²⁸ В. Масырж, *op. cit.* с. 245.

²⁹ С. А. Мулина, *Коллективные стратегии адаптации поляков в Сибири*, в: *Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков*, Иркутск 2011, с. 364.

³⁰ Государственный архив Томской области (ГАТО), фонд 3, опись 2, дело 4502, лист 3.

³¹ „Сибирская жизнь”, Томск 1898, 18 апреля.

³² В. Маньковский, *Поляки в Томске в 1910-1921 гг.* (Перевод А. Гузеевой), в: *Поляки в Сибири. Поляки о Сибири*: Томск 2012, с. 31.

³³ И.В. Нам, *Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917-1922)*, Томск 2009, с. 88.

благотворительный польский бал, который пользовался неизменным успехом и у русской интеллигенции. И „каждый из поляков” считал для себя „делом чести” содействовать их организации³⁴. Схожие задачи решали католические благотворительные общества в Омске, Иркутске, Тобольске, Красноярске, Новониколаевске.

По инициативе участников католических благотворительных обществ в Иркутске, Омске, Томске, Тобольске, Новониколаевске в начале XX в. открываются начальные школы, относившиеся к разряду городских приходских училищ. Они существовали на средства общины, за счет пожертвований и благотворительности. Количество учебных мест колебалось от 25 в Тобольске до 81 в Омске. В этих школах дети католиков получали элементарные знания польского языка и законов веры, а на русском языке – знание общеобразовательных предметов. Школы создавались и в сельской местности. Открытию таких школ власть всячески препятствовала, опасаясь, что они будут способствовать сохранению „духа национальной отчужденности” и „враждебности ко всему русскому”. По мнению попечителя Западно-Сибирского округа В. Флоринского, самой действенной мерой против этого является русская школа, поскольку „при совместном обучении детей-католиков и православных легче всего примиряется вероисповедная рознь и сглаживаются национальные предубеждения”. Отдельные католические школы, по его словам, „будут стремиться к целям совершенно противоположным, и в общегосударственном смысле едва ли желательны, так как они будут препятствовать слиянию молодого католического поколения с господствующею русскою народностью”³⁵. Там, где не удавалось открыть начальные школы, создавались „тайные школы”, в которых обучением детей польскому языку занимались ксендзы, как было, например, в с. Белосток, где ксендз тайно учил детей говорить, читать молитвы и писать по-польски. Школа в этом селе была открыта после Февральской революции 1917 г. и действовала до 1937 г.³⁶

С открытием в 1888 г. Императорского университета, а в 1900 г. – Технологического института в Томске появились студенты-поляки. В их среде „зародилась идея основания тайного польского общества с целью распространения и сохранения «польскости» среди местных поляков посредством основания библиотеки, самообразования и тайного обучения”. Наряду с благотворительным обществом, в котором сосредоточилась, прежде всего, деятельность старшего поколения, общество польской молодежи оказало значительное влияние на „оживление культурного движения и товарищеского

³⁴ В. Маньковский, *op. cit.*, с. 230.

³⁵ ГАТО, фонд 126, опись 1, дело 735, лист. 2.

³⁶ В.А. Ханевич, *Белостокская трагедия*, Томск 1993, с. 147.

духа среди поляков в Томске”. Из средств, собранных членами общества, были закуплены книги, и в Томске, наряду с приходской, была создана еще одна польская библиотека³⁷. К 1911 г. в ней насчитывалось около 4000 томов книг преимущественно на польском языке, выписывалось до 20 названий газет и журналов³⁸.

В начале XX в. происходит изменение содержания и форм самоорганизации поляков, возникают светские организации. Этому способствовало изменение политической ситуации в стране, обусловленное революционными событиями. Манифестом 17 октября 1905 г. провозглашалось право на свободу собраний и объединений. Принятые 4 марта 1906 г. „Временные правила об обществах и союзах” обусловили быстрый рост национально-культурных организаций. Светские культурно-просветительские организации, создаваемые поляками, приобретают этнический характер, что отражается уже в их названиях: польско-литовское „Огниво” в Иркутске (1906 г.) и польское общество „Ognisko” („Очаг”) в Омске (1916-1917 гг.)

В 1916 г. в Новониколаевске стала издаваться на польском языке еженедельная газета „Głos Syberii” („Голос Сибири”). В газете публикуются перепечатки или переводы столичной прессы по вопросам будущего устройства Польши. Томский полицмейстер сообщал губернатору, что газета хотя и „возбуждающе” действует на поляков, но в виду отдаленности польской территории и малого числа поляков, живущих в Сибири, опасности не представляет. Но после выхода 4-го номера издание газеты было приостановлено, а ее направление было признано „угрожающим” государственному порядку. Вместо нее было задумано издание на русском языке газеты „Новониколаевский листок”, цель которой обозначалась как ознакомление „русской публики” с польским вопросом³⁹. „Это национальное представительство, несмотря на издевательства цензуры [...] – писал Б. Пилсудский, – обещает быть залогом сближения рассеянных по Сибири поляков с отчим краем”⁴⁰.

Таким образом, вплоть до начала XX в. ключевая роль в системе польских диаспорных институтов в Сибири принадлежала католической церкви. Школа и благотворительность действовали при костёле, вокруг него сосредотачивалась вся общественная и культурная жизнь. Но под влиянием происходящих в стране процессов наряду с конфессиональными создаются светские, чисто польские организации. Благотворительные и культурные организации, школы, возникнув как конфессиональные институты, обретают

³⁷ А. Мачеша, *op. cit.*, с. 222-223.

³⁸ *Адресно-справочная книжка „Весь Томск” на 1912–1913 год*, Томск 1912, с. 154.

³⁹ И.В. Нам, *op. cit.*, с. 89-90.

⁴⁰ Б. Пилсудский, *Поляки в Сибири*, в: *Сибирь в истории и культуре польского народа*, Москва 2002, с. 26.

национальный характер, воспринимаются как часть национальной (польской) культуры. Католическая религия остается для поляков в Сибири важным этнодифференцирующим фактором. Первая мировая война, революции 1917 г. и Гражданская война в России ускорили развитие этих процессов.